

А. Л. Стризо

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПОИСК ЕЕ НОВОГО МЕТАНАРРАТИВА

В статье рассматриваются вопросы о природе исторического метанарратива и причинах кризиса официального советского метанарратива Великой Отечественной войны. Дается критика провиденциалистского и конспирологического вариантов телеологической интерпретации войны. Рассматривается возможность разработки новой концепции войны на основе методологического синтеза при доминировании цивилизационно-геополитического подхода.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, фальсификация истории, метанарратив, методологический синтез, цивилизация, технология, геополитика.

A. L. Strizoe

FALSIFICATION OF THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AND SEARCH FOR ITS NEW METANARRATIVE

The article focuses on the issues of the nature of historical metanarrative and the causes of the crisis of official Soviet metanarrative of the Great Patriotic War. The author criticizes providentialist and conspirological variations of the teleological interpretation of the war. The article draws attention to the possibility of working out a new concept of the war on the basis of methodological synthesis with the dominating civilizational geopolitical approach.

Keywords: Great Patriotic War, falsification of history, metanarrative, methodological synthesis, civilization, technology, geopolitics.

Обращаясь к теме фальсификации истории Великой Отечественной войны, мы должны указать на два возможных варианта ее осуществления: «снизу» и «сверху» — с позиций «документально-фактической», классически-позитивистской и «концептуально-аналитической», неклассической истории. Строго говоря, оба отмеченных нами варианта характерны для любой, а не только военно-исторической фальсификации фактов прошлого. Однако в случае с историей Великой Победы, которая сегодня является едва ли не единственным ключевым смыслообразом исторической идентичности, не вызывающим раскола общества, любая попытка ревизии прошлого требует особого внимания.

Первый вариант, возникший в результате расширения круга исторических источников, снятия

с них грифа секретности, отказа от табу на рассмотрение определенных тем, сюжетов, исторических личностей, достаточно обстоятельно и всесторонне подвергнут критике в работах специалистов-историков. Второй вариант, предполагающий поиск новой системы методологических координат, находится на стыке традиционной гражданской, военной, политической истории с политологией и философией и не столь подробно рассмотрен в работах современных авторов. Помимо традиционного для историков стремления освоить новые факты и документы, — эту *terra incognita* исторической науки — здесь сыграло свою роль умело подогреваемое постмодернизмом недоверие к метанарративам и «глобальной истории». Между тем, пока академическое сообщество историков наполнено скепсисом в отношении построения макротории

исторического процесса, в историческую науку и публицистику, повинная непреодолимой силе политических течений и идеологических циклонов, проникают давно забытые концептуальные модели с весьма сомнительным теоретико-методологическим вектором.

Прежде чем приступить к описанию и анализу этих моделей, остановимся на вопросе о природе самих исторических метанарративов. Представляется, что аналогичные им теоретические конструкции присущи всему социально-гуманитарному знанию. Несчастье историков состояло только в том, что их близость к политике и власти настолько деформировала исторические метанарративы, что поставила под вопрос саму правомерность их существования. Чтобы понять смысл и построение этих «батальных полотен» исторического описания, обратимся к русской классической литературе. Воспроизведем фрагмент из диалога героев романа Ф. М. Достоевского «Бесы»: «Можно многое выпустить... но изо всего *выбирать только то, что рисует эпоху; все войдет с известным взглядом, с указанием, с намерением, с мыслию, освещающею все целое, всю совокупность...* — утверждала Лиза... — Значит, выйдет нечто с направлением, *подбор фактов под известное направление*, — пробормотал он, все еще не поднимая головы. — Отнюдь нет, не надо подбирать под направление, и никакого направления не надо. Одно беспристрастие — вот направление. — Да направление и не беда, — зашевелился Шатов, — да и нельзя его избежать, чуть лишь обнаружится хоть какой-нибудь подбор. *В подборе фактов и будет указание, как их понимать*» (курсив наш. — А. С.) [1, с. 124—125]. Как видим, метанарратив представляет собой выстраиваемую исследователем сюжетную линию повествования, охватывающую исторический процесс в больших масштабах пространства и времени, рассматривающую общество как изменяющуюся систему, целостность (отсюда и термин «эпоха») и задающую (обосновывающую) логику и направление исторических изменений.

Представляется, что неустранимость из социально-гуманитарных наук метатеоретических построений нормативно-предписывающего (прескриптивного) характера обусловлена особенностями человеческого сознания: идеальностью (способностью строить абстрактные модели реальности); интенциональностью (векторной направленностью на объект); рефлексивностью (предполагающей, помимо самоанализа, поиск смыслов в реальности и наделение фактов смыслами). Отражая и конструируя мир, наше сознание обнаруживает свою процессуальную природу, проекцией которой является историческое мышление. В этом свойстве видеть реальность как направленный процесс коренится не только неизбежность в истории масштабных (построенных на обобщениях) нарративов, но и их мировоззренческая и социокультурная нагруженность.

Вопрос о том, соответствует ли такой метанарратив стандартам научности, требует специального развернутого обсуждения. В контексте данной статьи ограничимся тезисной формулировкой нашей позиции. Метанарратив национальной, региональной, всемирной истории, наполненный философским (мировоззренческим и социокультурным) содержанием, соответствует требованиям научности в той мере, в какой он не противоречит использованию современных методологических приемов анализа общества как сложной (органической), неравновесной, динамической системы, а также современной методологии и методики исторического исследования. С этой точки зрения формационная, цивилизационная, провиденциалистская и конспирологическая модели макроистории и возникающие на их основе метанарративы, имеющие непосредственное отношение к теме фальсификации истории Великой Отечественной войны, характеризуются разной мерой научности, а значит, и разными возможностями для интеграции в них ненаучного, в том числе фальсифицированного исторического знания.

Выбор метанарратива войны тесно связан также с выбором метанарратива отечественной истории

XX в. Официальный советский метанарратив Великой Отечественной войны формировался как часть более масштабного метанарратива всей советской истории, представлявшей собой новую, прогрессивную во всех отношениях ступень формационного развития. При этом сам прогресс истолковывался линейно, исключались исторические тупики и попятные, регрессивные движения, деформации не искажали сути общественного строя, а выбор варианта развития правящей партией всегда оказывался оптимальным, представляя собой в большинстве случаев движение от победы к победе. В этом же духе интерпретировалась и история войны: она являлась не просто рубежом в восходящем прогрессивном движении советского общества, а его величайшим историческим триумфом. Важнейшей чертой такой интерпретации была безальтернативность, порой придававшая событиям фаталистическую окраску: поражения и успехи были объективно заданы, картина исторического прошлого упрощалась до бинарных оппозиций (верно — ошибочно) и альтернативного выбора (или — или), а все не согласующееся с этим либо замалчивалось, либо дискредитировалось.

Второй существенной особенностью официальной версии войны может считаться ее предельная политизированность: причины побед и поражений редуцировались к ошибкам или заслугам партийно-политического руководства, технико-технологические и экономические условия сводились к преимуществам социалистической экономики и плановой системы хозяйства, патриотический дух и морально-психологические факторы приобретали идеологизированные формы советского социалистического патриотизма. Экономическая история, равно как и история науки и техники периода войны, имела выраженный историко-партийный характер: как правило, это была история партийно-политического руководства.

Третья особенность: советская концепция войны носила преимущественно макроисторический характер —

антропологический (микроисторический) аспект в ней всегда был вторым планом, а человек, как правило, рассматривался инструментально-технократически, либо как винтик государственной, военной, промышленной машины, либо как герой — символ ее преимуществ. Такой ракурс исторического рассмотрения часто создавал иллюзии, в которых возвышенные человеческие чувства и духовные порывы представляли как плакатные схемы и образы, а преданность Родине, самопожертвование, верность долгу — как примитивный, бездумный фанатизм. Детерминизм, лежавший в основе официальной советской концепции войны, был ориентирован на выявление типичного, массовидного, доминирующей тенденции развития, что делало историческое повествование одномерным, превращало многогранные исторические факты в однозначные идеологические аргументы. Из мощного эвристического средства объяснения и предсказания многовариантного, открытого и неравновесного исторического развития детерминизм превратился в ремесленный шаблон, создающий уязвимые во многих отношениях пропагандистские поделки.

Не случайно, лишившись политико-идеологических оснований легитимности и столкнувшись с конкурирующими метаисторическими конструктами, официальный советский метанарратив войны стал постепенно разрушаться. На смену доминировавшим социалистическим идеологемам историописания пришли в явном или неявном виде идеологические и ценностные ориентации антикоммунизма. В методологическом плане антикоммунистические нарративы базировались на суррогате детерминизма — телеологическом объяснении в его различных вариантах: конспирологическом и провиденциалистском. Первый представлен в отечественной литературе о войне, в работах В. Суворова, М. Солонина, В. Бешанова, Б. Соколова, второй — в обобщающем труде «История России. XX век» (под ред. А. Б. Зубова) [2].

В ряде случаев эти разные варианты телеологии соединялись, давая сходные оценки.

Конспирологическая модель одинаково хорошо сочеталась и с мифом о «мировом заговоре» Коминтерна, и с практикой сталинского режима, культивировавшего насилие, подозрительность, секретность, что позволяло обосновывать идеи агрессивности СССР и равной ответственности с фашистской Германией за развязывание войны. Отсюда и утверждения православно ориентированных историков, согласно которым «Сталин жаждал войны... Покорив Россию, большевики жаждали не менее нацистов мирового господства, вдохновлялись им» [2, с. 4]. Сталинский «заговор» в данном случае — лишь продолжение «большевистского заговора» против России, повернувшего ее с пути божественного провидения.

В аксиологическом плане обе разновидности телеологии войны сходны в своих утверждениях искусственности и тупиковости социализма, а значит, и в признании того факта, что Россия проиграла XX век, ставший для нее эпохой катастроф, бессмысленных разрушений, бесчисленных человеческих жертв, а потому лишенной какой-либо нравственной и исторической ценности. Этот взгляд имплицитно присутствовал и в историософской концепции А. Солженицына, и в трудах В. Суворова, хотя политические симпатии их весьма различны. Авторы коллективного труда под редакцией А. Б. Зубова открыто заявляют об этом почти в апокалиптическом духе: «В XX веке страна потеряла, по нашим оценкам, 95 % своих культурных сокровищ, множество культурных богатств, и, наконец, в 1991 году распалась на части» [2, с. 7].

Если это так, и ход истории фатально предопределен, то понятно, что новая оценка войны не может отклоняться от заданной метанарративом линии. Прежняя официальная оценка должна быть не просто пересмотрена: она должна быть если не радикально изменена, то уж в максимальной степени снижена. Поскольку фактический итог войны 1945 г. оспорить невозможно, фальсификаторам остается представить его как «псевдопобеду», сомнительную с точки зрения «цены», либо как

глобальное (с точки зрения исторической перспективы и судьбы социализма) историческое поражение. Отсюда уход в повседневность, микроисторию, морализаторство как универсальные приемы подбора и оценки фактов. Даже освещение, казалось бы, нейтрального сюжета о военном профессионализме Вермахта и Красной Армии то и дело скатывается на идеологизированные обличения советского строя: «Немецкий солдат был хозяйственным крестьянином, фермером или горожанином — активным, хорошо образованным и инициативным. Безликая масса красноармейцев состояла из забитых и замученных беспросветной жизнью пассивных колхозников» [2, с. 39]. Бинарность оппозиции «достойный бюргер — жалкие жертвы» — лишь прелюдия к тому, чтобы в сознании читателя на месте павших на полях сражений мужественных защитников родины появились бессмысленные жертвы войны, чья смерть является лишним поводом усомниться в ее характере и оправданности.

Пересмотр оценок достигается и путем простого противопоставления советским политизированным героям антисоветских, подвижных, разумеется, истинными патриотическими чувствами. Их абсолютная идеологизированность и политическая зависимость легко скрываются за возвышенной патриотической риторикой и рассуждениями о судьбах простых людей. Не случайно «патриот» Власов не только «надеялся мобилизовать противников Сталина и привлечь русских людей положительной политической программой», но и начал «мучительную борьбу с нацистами за создание политического центра и русской армии» [2, с. 155]. Широко используется фальсификаторами и такой прием ценностной дискредитации войны, как морализаторство: «Страдания народов России под большевиками были столь невыносимыми, что мы сейчас не имеем права судить никого, признавая нравственные изъязнения в любом выборе судьбы в те годы. Трагично было, защищая Россию, ковать оковы твоим детям под сталинским режимом; трагично было, воюя против Сталина, ковать такие же оковы — под гитлеровским» [2, с. 113]. Ложный трагизм, способный вызвать жалость

и сострадание, не только искажает характер войны, а значит и оценку сражающихся сторон, упрощает связь успеха в войне с ужесточением политического режима внутри страны, но и обесмысливает подвиг советских солдат.

Особо следует сказать о проблеме цены победы в войне. Поскольку социальные системы не являются абсолютно управляемыми и в этом смысле непрозрачными для сознания людей, творящих историю, то в их действиях всегда будут ошибки,

а значит успех любого акта социального управления будет иметь свою социальную цену. В этом смысле проблема цены победы не является надуманной. Задача историка — решить ее не с позиций моралиста-пацифиста или с точки зрения культурных ценностей современного общества, а с позиций конкретно-исторического подхода. В этом случае необходимо раскрыть уникальное для стран — участниц войны и их народов сочетание культурных, цивилизационных и формационных факторов. Очевидно, что: в культурах Германии и СССР той эпохи было разное, исторически сложившееся отношение к ценности человеческой жизни, которое власть обеих стран стремилась использовать в своих целях; общие для индустриальной цивилизации законы войны, обусловленные состоянием военной техники, стратегией и технологией военного дела, задают характер и порядок потерь; эти характер и порядок зависят от идеологии войны, действий политической власти и органов военного управления. Кроме того,

в расчет должны браться объективная логика конкретных обстоятельств, а также субъективные характеристики участников событий (настроение, морально-психологическое состояние войск и гражданского населения). Все эти факторы имеют разную природу и в разной мере поддаются внешнему воздействию и корректировке, но все они должны учитываться при анализе методики расчета и оценке потерь воюющих сторон. Гораздо проще уклониться от подобной исследовательской работы и предпочесть внешне логичные и рациональные телеологические объяснения, сводящие масштабы и характер

потерь к злой воле вождей, жестокости командиров, террору НКВД, «законам тоталитарной диктатуры».

Аналогичным образом, на наш взгляд, следует подходить и к вопросу о мотивации сражающихся сторон: открытость и непредопределенность природы человека обуславливают наличие открытого (предполагающего возможность появления новых факторов) комплекса мотивов его поведения. Кроме того, современное общественное знание говорит о единстве бессознательных, подсознательных и сознательных факторов поведения. Применительно к большим массам людей это единство сохраняется. Совокупность факторов, мотивирующих массовые социальные действия, может быть более определенной (ограниченной), чем для отдельного человека, но ее нельзя редуцировать к одной, тем более сугубо рациональной, причине. Доминирующими (особенно в экстремальных условиях войны) являются глубинные, фундаментальные основы культурной традиции, определяющие самосохранение общества (патриотизм — одно из выражений этих основ). Идеологическая индоктринация в разной мере воздействует на этот культурный фундамент. Мотив страха в силу своей деструктивности и разрушительности для личности мог играть ведущую роль лишь в отдельных ситуациях. Все это не позволяет принять мифологемы фальсификаторов о страхе, насилии и принуждении как основных факторах победы.

Как мы уже указывали, противостояние фальсификации истории Великой Отечественной войны невозможно без создания новых метаисторических конструктов, дающих целостное представление о войне и советском периоде отечественной истории. И если сегодня, оценивая юбилейное столичное издание «65 лет Великой Победы» [3], рецензенты справедливо констатируют полную невозможность говорить о наличии у авторов хотя бы какой-то общей концепции истории войны

[4, с. 203], то это означает также отсутствие ясности и в более общих вопросах. В совокупности этот концептуальный вакуум делает неизбежным

торжество фальсификаторов. В контексте данной статьи весьма показательным является мнение В. Суворова о том же юбилейном издании, приводимое в упомянутой выше рецензии, согласно которому представленные «материалы... лишней раз подтверждают его правоту» [4, с. 205]. В итоге, взявшись обличать фальсификаторов (заключительный том все того же издания называется «За честную историю»), авторы получили поддержку одного из них.

Исходным методологическим основанием решения задачи поиска современного метанарратива Великой Отечественной войны может стать, по нашему мнению, принцип дополнительности и построенный на нем методологический синтез формационного, цивилизационного [5] и социокультурного подходов к истории. Использование взаимного наложения трех системных моделей общества — формации, цивилизации, культуры — позволит выявить приоритеты экономической, институционально-технологической (утилитарной) и ценностно-мировоззренческой (неутилитарной) детерминации, а значит, и мотивации деятельности людей в различных ситуациях и на различных этапах истории.

Великая Отечественная война как часть глобальной катастрофы XX в. (Второй мировой войны) не может быть адекватно объяснена лишь посредством редукции ее событий к одной группе детерминирующих факторов: классово-идеологических, геополитических, международных, экономических. С другой стороны, глубина национального кризиса, в котором оказалась Германия в межвоенный период, потребовала для своего разрешения мобилизации всего цивилизационного потенциала немецкого общества, в том числе и деструктивного, архаически-варварского. Сходные моменты мы наблюдаем и в сталинском СССР, которому история бросила вызов, допуская лишь в новом цивилизационном — не столько в социалистическом, сколько в современном для своего времени индустриальном — качестве. Особенности эпохи, итоги национального исторического пути, состояние элиты привели обе

страны к тоталитарному варианту самоорганизации для преодоления кризиса. Природа этого варианта коренится в специфике высокоразвитой индустриальной цивилизации, сделавшей технологически возможным тотальный контроль над обществом.

Формационная специфика, связанная с тем, что фашистская Германия и СССР были все же принципиально разными вариантами организации развитого индустриального общества, по меньшей мере, затеняется здесь цивилизационным сходством. Истоки этого, как представляется, не сводятся только к внутривнутриполитическим, национальным факторам. Они являются порождением общего баланса сил на мировой арене. Известная ленинская оценка, согласно которой мировая буржуазия не уничтожила Советской России, но и не дала ей возможности продемонстрировать преимущества новой социальной организации, отражала не только итоги гражданской, но и Первой мировой войны, а также связанного с ней революционного кризиса в Европе [6, с. 401—402]. Ко времени Второй мировой войны соотношение экономических потенциалов для СССР заметно улучшилось по сравнению с 1922 г., но принципиально не изменилось, как и геополитическое положение. Все это существенно ограничивает возможности формационного анализа Великой Отечественной войны и ставит вопрос о поиске новых объяснительных конструкций.

Если говорить о конкретном примере разработки и реализации нового метанарратива Второй мировой и Великой Отечественной войны, то предпосылкой для его создания является исследование и всей войны в целом, и ее отдельных сторон с точки зрения цивилизационного (геополитического) подхода, который реализован в работах А. И. Уткина [7]. Отражая тенденцию к глобализации пространства современной цивилизации, геополитика выявляет, во-первых, особое значение проблемы самосохранения общества в экстремальных условиях внешней среды, одним из проявлений которых является война; во-вторых, геополитический анализ подчеркивает роль и

значение коммуникации и самоорганизации как отдельных обществ, так и всего социально-исторического пространства цивилизации для решения проблем кризисного развития; в-третьих, в цивилизационном подходе война предстает как феномен не только политического, но и технологического развития, ресурсная база, направленность и результаты которого определяются как организационно-экономическими, так и ценностно-мировоззренческими факторами.

Победа в Великой Отечественной войне — интереснейший пример социальной самоорганизации, когда власть вынуждена была выйти за пределы идеологических догм и смогла мобилизовать социальные ресурсы для спасения страны, давая (порой вынужденно) простор инициативе народа, не вступая в конфликт с его глубинными культурными ценностями, доводами научного разума, логикой здравого смысла. В рамках цивилизационного анализа открывается возможность выявить и объективно рассмотреть разные стороны войны как переломного момента в жизни власти и общества, армии и экономики, в истории культуры и цивилизации. Лишь приближаясь к этому идеалу объективности и всесторонности, мы сможем дать отпор фальсификаторам войны и сохранить в социальной памяти Великую Победу 1945 г. как важнейшую ценность, консолидирующую сегодня все российское общество и являющую собой достойный пример для будущих поколений.

Примечания

1. Достоевский Ф. М. Бесы // Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1988—1996. Т. 7.
2. История России. XX век / под ред. А. Б. Зубова. М.: Астрель, 2009. Т. 2.
3. 65 лет Великой Победы: в 6 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. М.: МГИМО-Университет, 2010.
4. Ауров О. Историческая мозаика // Свободная мысль. 2012. № 5—6. С. 196—210.
5. Мы понимаем под цивилизацией ступень исторического процесса, для которой характерны высокий уровень развития техники и технологии, делающий возможным накопление общественного богатства, а также универсальный характер коммуникации индивидов и социальных общностей. С этой точки зрения исторический процесс представляет собой последовательный переход от варварства к аграрной, индустриальной и постиндустриальной цивилизациям.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М., 1965—1975. Т. 45.
7. Уткин А. И. Россия и Запад: сравнительная история цивилизаций. М. Гардарики. 2000. С. 346—365; Его же. Россия над бездной. Смоленск, 2000. С. 468—472.

© Стризое А. Л., 2013